

КУЛЬТУРА

В Эрмитаже обнаружился склад **оружия**. Детского и старинного. Открылась выставка в Меншиковском дворце **стр. 22**

ФЕСТИВАЛЬ БАЛЕТ

Париж Петербургу не па

Матве Ганьо на фестивале «Мариинский»

Коммерсантъ - 2006 - 21 марта - с. 21.

В спектакле Мариинского театра «Дон Кихот» выступил Матве Ганьо — самая молодая этуаль Парижской оперы. Несмотря на очевидное волнение, гость выглядел непринужденнее хозяев, считает ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА.

Выступление иностранцев в традиционном репертуаре Мариинского театра — один из главных аттракционов фестиваля. Не только Петербург, но и пол-Москвы съезжается посмотреть, как очередная знаменитость справится с нашим репертуаром. Подтекст такой: это в своих Лондонах-Парижах они могут считаться асами в классике, но только в театре, где эти балеты родились, знают, как их надо танцевать.

В Петербурге самый титулованный иностранец превращается в ученика: получает в наставники репетитора и русского партнера (партнершу), учит местную редакцию балета, а на спектакле сдает экзамен перед придирчивой комиссией искушенных зрителей.

22-летний парижанин Матве Ганьо, танцевавший на фестивале Базиля в «Дон Кихоте», это испытание проходил впервые. В России его ждали с нетерпением: самая молодая этуаль мужского пола за всю историю Парижской оперы (высшей ступени балетной иерархии юный танцовщик достиг всего за три года) получил это звание как раз за «Дон Кихот» в редакции Рудольфа Нуреева.

С первого явления на Мариинской сцене Матве Ганьо — изящный брюнет с идеальными пропорциями тела, безупречно

Корифейка Мариинского театра Олеся Новикова чувствовала себя достойной партнершей в дуэте со звездой Парижской оперы Матве Ганьо. ФОТО ВАЛЕНТИНА БАРАНОВСКОГО

вылепленными ногами, изысканной стопой, белозубой улыбкой — сразил обаянием: рядом с

ним померк бы и молодой Ален Делон. Наверное, не одна зрительница (не исключая — и зри-

тель) мечтала бы оказаться на месте Китри, за которой ухлестывает этот неотразимый Базиль.

Титулованный юнец держался с подкупающей непосредственностью и демократиз-

мом: увлеченно общался с партнерами по сцене (даже с непривычным к такому внима-

нию кордебалетом), азартно внедрялся в детали мизансцен и чрезвычайно убедительно разыгрывал влюбленность, не упуская случая чмокнуть партнершу то в плечико, то в шейку. В игре гостя не было никакой аффектации или нарочитости: Матве Ганьо превращал в танец каждое свое движение — простую пробежку по сцене, любой жест выразительных рук, самую незначительную «проходную» позу и самые утилитарные поддержки дуэтов.

Настоящего танца у Базиля, в сущности, маловато — вариация с цветочницами в начале спектакля да финальное па-де-де. С тем большим нетерпением публика ждала этих фрагментов. В первом акте француз только разжег любопытство, исполнив самый академичный вариант — без двойных туров в воздухе и наворотов пируэтов. Разумеется, прогибы корпуса в *genverse*, отточенные позировки и мелкие па были элегантно до умопомрачения, но зрители, как крови, жаждали виртуозности. И не дождалась: в третьем акте внезапно оробевший француз показал обязательную программу — и только.

Лучезарная улыбка баловня судьбы сменилась тревожным выражением байронического страдальца, когда Матве Ганьо приступил к турам в воздухе: приземления в арабеск вышли нечисто — с маленьким подскоком, двойные ронды в воздухе неожиданно засбоили, а в коде француз совсем напрасно

дополнил свои образцово академичные *jete en tournant* советским «козлом» — для эффектного исполнения этого трюка ему не хватило взрывной мощи прыжка.

Но, возможно, именно эти осечки Матве Ганьо в который раз подтвердили, что балет не спорт и не технические рекорды делают танцовщика звездой. Партнерша и ровесница гастролера — корифейка Олеся Новикова — в партии Китри все свои па станцевала без видимых затруднений. Но какой это был мезальянс! Петербургская «дочь трактирщика» с нарисованными морковными губами, простецкими ухватками и жеманством провинциалки, пойманной мальчишкой из хорошей семьи, вполне соответствовала социальному положению своей героини, в то время как французский цырюльник выглядел переодетым принцем.

Мастеровитую девушку легко забыть на следующий день после спектакля: все ее лихие фуэте с акцентированно отброшенной ногой, бодрые скачки на пуантах и прыжки на пределе возможностей могут повторить многие добросовестные труженицы балетного станка. И все эти достижения не стоят одного неповторимого движения кисти руки Матве Ганьо — естественного и грациозного. Мариинский театр, не удостоивший французского гостя балерины, равной ему по статусу, прогадал вдвойне: и дуэт не сложился, и местная виртуозка не превратилась в этуаль.